

Евгения

КОРДЗАХИЯ

ИСТОКИ

Отец и Мать – начало всех начал.
Стара Земля – вернитесь к её детству!
Дар Божий, что бы он ни означал,
передаётся только по наследству,
как голос, цвет волос, пылливость глаз,
крылатость, озаряющая лица.
Взрывные силы, что таятся в нас,
веками собирались по крупичкам...
Покажется порой, я всё – сама,
от первой буквы до последней точки.
Но пращурь, не знавшие письма,
безвестные – стоят у каждой строчки.

*

Нет, почки – гладкие и влажные,
чуть только набирают силу...
Рукой коснёшься их, и кажется,
и кажется: они пульсируют.
Нет, на берёзах ни листка,
темны и голы ветки клёнов...
Но я ведь видела – зелёным
был этот парк издалека!
Я потому так шла сюда,
так храбро лезла через лужи,
я думала, меня закружит
аллей оживших пестрота,
я чуда радостно ждала,
а чудо... чудо любит робких.
Нет, перепутанные тропки
черней грачиного крыла,
нет, на берёзах – ни листка,
темны и голы ветки клёнов...
И всё-таки он был зелёным,
был –
целый миг –
издалека!

ЮНОСТЬ

Раскручивается локон
и падает на висок.
Раскручивается кокон
и падает на песок.
День выстужен до предела
черёмухой молодой.
Река. И нагое тело.
И ласточки над водой...

*
Когда темны, как ночь, мои дела,
я достаю подарочные свечи...
Опять зима все тропки замела,
и старый друг откладывает встречи:

то хвор, то занят, то корит мой нрав...
мутна остуды гиблая водица.

Хотя вполне возможно, что он прав
и нет причины на него сердиться.

Зато ко мне приходит мой сосед,
глядит в глаза, заводит разговоры,
и сонные слова дневных бесед
под вечер оживляются, как воры, –

в них рыскает грабительская страсть,
посмеиваясь над моим испугом.
Но, к счастью, больше нечего украсть,
всё выкрадено незабвенным другом.

Неси домой, косноязычный зверь,
свой жуткий пыл и сбивчивые речи!..
Я закрываю за соседом дверь
и достаю подарочные свечи.

Мне по душе их вежливый огонь,
и пусть мрачны ближайшие прогнозы,
легко грустить, когда текут в ладонь
тугие, всепрощающие слёзы...

*
Я в корни утрат не смотрю,
мне страшен разбор их подробный...
— Здесь мама лежит, – говорю
и трогаю камень надгробный.

Листва на берёзах шуршит,
цветёт у берёз медуница...

— Неужто и вправду лежит? –
щебечет какая-то птица. –

— Ведь скоро наступит зима,
здесь так одиноко ночами!
А что ты мне скажешь сама?..
И я пожимаю плечами.

Сквозь сердце протянута нить
к тому, что под камнем хранится.
Но как это всё объяснить
какой-то щебечущей птице?..

*

Как я пишу – досужим что за дело?
Как думаю, как плачу, как молчу...
Я слог свой усложняю до предела –
я так хочу!

Я не шучу и шуток не прощаю,
быть может, я кого-то огорчу...
Я слог свой до предела упрощаю –
я так хочу!

Порою я сама тому не рада,
но, если я бываю не права,
не надо мне подсказывать, с кем надо
сверять слова...

Когда я отыщу тропинку к свету,
когда я укажу свою звезду,
вы можете меня призвать к ответу,
предать суду,

спросить сполна за каждую
страницу...

Хочу, чтоб оправданием вины
моей звездой были ваши лица
озарены...